

11 НОЯ 36

РОЖДЕНИЕ ТЕАТРА

ВОСПОМИНАНИЯ
ВАХТАНГОВЦА

В ПЕРВЫХ часах ноября 1921 г. на улицах Москвы были расклеены продолговатые узкие афишки, на которых было напечатано:

Принимает Студия М. Х. А. Т.
Арбат, 30.
В воскресенье 12-го ноября 1921 г.
ОТКРЫТИЕ ТЕАТРА СТУДИИ
М. ХАТАНГОВЦА.
Чуда св. Антония.
П.
Концерт.
Зоя Модия
Надежда Голубовская
К. С. Станиславский
А. И. Южин
А. А. Чахов
М. В. Вахтангов
Начало в 8 час. вечера.

А в студии в это время шла работа и напряженная работа. Шла репетиция «Чуда св. Антония», шла подготовка к торжеству открытия. Особенно занимался ремонт здания.

Вениамин Вагратионович Вахтангов в эти дни был особенно энергичен и творчески приподнят. Он всех заражал своим воодушевлением, все шло, все поминка, не забывал ни одной мелочи и строго требовал от каждого на его точного исполнения полученного дела.

Понимая, что мы ответственным делом государством — вверили нам. Нам оказывалось доверие. Мы должны его оправдать. Я хочу, чтобы у нас было прекрасно, чтобы были так, как же надо.

Специально заказывалось оборудование «большого» бело-мраморного зала на 230 человек, делался помост для рядов.

— Позвольте, а на чем у нас будет сидеть публика? — однажды спросил меня Вахтангов. — Правильно об этом позаботились?

— Да, Евгений Вагратионович, как же. Я обвешал все мебельные артели и стулья напеч. Но мы можем оплатить их только в расчетку. Артель соглашается, но при поручительстве К. С. Станиславского.

Вахтангов сделал большие глаза: — Константин Сергеевич? Удобно ли нам его с этим беспорядком? — Я предлагал другое поручительство, но артель настаивает на личном письме К. С. Станиславского.

— Да, это совершенно неслыханный оборот. Делайте соображения.

Он думает, журит глаза и вдруг весело говорит:

— А почему нам просто не сказать: Константин Сергеевич, ваши деньги открывают все двери, делает невозможное возможным. Поручитесь за нас, что мы заплатим — деньги артели за стулья, без которых мы не можем открыться. Константин Сергеевич никогда не отказал. Составить письмо и поехать к нему.

Мы поехали вместе с К. И. Котлубай. К. С. Станиславский приветливо нас принял:

— Молодцы, молодцы! Я слышал, у вас хорошо идет работа и все налаживается.

Мы пригласили Константина Сергеевича к нам на открытие и попросили, ему с его обещания выступить у нас на концерте.

— Как же, как же! Непременно буду.

— У нас к вам еще очень отчаянная и нежная просьба, — сказала Котлубай.

— Чем могу служить?

Я смущенно изложил нашу просьбу о поручительстве за стулья. Он слушал, улыбался.

— Сделайте одолжение. С удовольствием поручусь.

Пробежав глазами составленную нами бумагу, он подписал крупным почерком «М. Станиславский».

Вернувшись в студию, мы подробно все рассказали Евгению Вагратионовичу. Он был очень доволен.

— Вашу миссию вы выполнили прекрасно. Пока все идет хорошо. Вскоре в студию привезли стулья — простые, балые, покрашенные, но Вахтангову они очень понравились.

— Прекрасные стулья, в чем дело? — вошло говорил он, садясь на стул, потом рассматривая и поворачивая его со всех сторон. — Правда, может быть скоро раскиснут. Ну, будем богаты, завалим себя другие, дубовые.

Два этих стула до сих пор «играют» в «Принцессе Турандот».

— Ну, а программки, приглашения, билеты, афишки? Все это будет? Я могу рассчитывать, что нам их придется красить? — спрашивал Вахтангов.

Работы было столько, что, казалось, она никогда не кончится. Все студийцы превратились в плотников, мебельщиков, обойщиков, столяров, уборщиков и уборщиц.

Состав «Антония» репетировал. Особые дежурные сидели за порядком и тишиной, за тем, чтобы в буфете был горячий чай и завтраки. Наших слушавших в то время в студии было мало. Почти все приходилось делать самим.

Руководство Вахтангова, молодость, воодушевление коллектива, горячая вера и беззаветная преданность идею опрочистки студии, — все это предвещало успех.

Последние репетиции «Чуда св. Антония» Вахтангов проводил в необычайном мастерстве, блеском и творческим вдохновением.

Это был второй вариант «Чуда», резко отличающийся от первого. В первом варианте, созданном за не-

сколько лет до этого, была умная, насмешливая улыбка. Спектакль был проникнут мягким, снисходительным юмором. Этого в свое время и добивался Вахтангов.

Второй вариант был совсем другим. Это была сатира, острая и беспощадная, вскрывающая пустоту, лживость и циничное лицемерие буржуазного мира. Форма спектакля была гротескной. Все было как будто преувеличено. Но эта внешняя преувеличенность вполне соответствовала внутреннему содержанию образов и событий.

Мир лаврийных, тугих и жестоких, у которых все продажно, был показан Вахтанговым правдиво, без всякой тени снисхождения, с ненавистью и презрением.

Это был первый остро-полемический спектакль Вахтангова, которым он вошел в историю русского театра как один из великих режиссеров современности.

★

На последних репетициях «Чуда» Вахтангов окончательно додумал и отшлифовывал спектакль. Он был неутомим. Десятки раз поднимаясь он из-за своего маленького режиссерского столика, легкой походкой набегая на сцену, и тут начиналось настоящее чудо искусства, чудо вахтанговского режиссерского поэма. Он весь преображался — внутренне и внешне, поднимая катарсис.

Вот он показывает Васову одно из намерений — господину Гюставу. Заложил салфетку за воротник, не-за нужды выхолост самодовольный, сытый, поджарый человек, держащая кусок и прижимающая губами. Его зачем-то зывают за это бездельное существование. Врелики. Он вылит обесчеловеченного человека, который называет себя ов. Антонином. Ему все подличают, издеваются, а которого его сейчас оторвали, он смотрит на Антонина с видом недоумения, замешательства с возмущением. Он бросает маршала вопросы:

— Что это такое? Что вам надо? Кто вы такой?

Когда Антонин называет себя, Вахтангов-Гюстав огибывается, чтобы поделиться своим возмущением, крутом выжого нет, и он тихо говорит с нитонацией предположения:

— Вы оумасиленный?

Говоря речь Антонины после сцен восхождения, Вахтангов бросает мимолетные взгляды на других. Эти взгляды, которыми он сам себя извиняет, еще больше воодушевляют его.

Он позволяет исполнителям:

— Француз легко воспламеняется, когда говорит. Ему всегда нужен слушатель. Он всегда проверяет на других действие своих слов.

Самыми замечательными образами — саути, гостей, пламеников и пламени, отарых и важных дам — показывал он своим ученикам.

★

Восстало 13 ноября 1921 года.

В студии еще ничего не было готово, и казалось, что открыться мы при всем желании не сможем. В помещении стоял шум работ.

Но отредла часов неужелюне дала-лись вперед, приближая время открытия.

В 7 часов вечера, за два часа до начала, еще продолжались работы, еще раздавался стук молотков. Но за час до спектакля по приказу Вахтангова была установлена полная тишина. И оказалось, что все готово. Исполнители спектакля начали гримироваться.

Вахтангов, чисте выбранный, бедный, торжественный, во фраке и белом галстуке, бесшумно ходил по помещению, оглядывая, все ли в порядке.

Я подошел к нему. Он крепко пожал мне руку своей теплой сухой рукой, выжидая за часом и с возмущением сказал:

— Ну, ни пуха нам, ни пера. Прикажете назвать первый вздох.

В жардное, ярмо осеннее по помещению театра влодился омерзав-

ная публика, с интересом все осматривала и наполняла зал. Приехали члены правительства, актеры, журналисты, дипломаты, руководители театров. Приехали К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко.

Перед началом спектакля на сцену вышел Вахтангов. Его встретили овацией.

Он обратился к публике с небольшой речью, в которой рассказал о студии и о ее первой работе.

Открылись занавес, и начался спектакль.

Это был острый и необычайно ярлинка, к которому публика не привыкла. После спектакля состоялся концерт, в котором Евгений Вагганович прочитал рассказ Мопассант «Врелдта».

Вечер прошол с громадным успехом.

После спектакля и концерта мне долго не раскодило. Все компливали подым и торжественную радость победы.

— Ну, вот мы сделали еще один шаг вперед, — сказал Вахтангов. — Но этот шаг, заносивший нами с таким трудом, прежде всего накладывает на нас громадную ответственность. Я хочу, чтобы все это поняли.

★

Это было 11 лет назад.

Театр Вахтангова прожил болышину и намеренную жизнь, полную побед и поражений.

Но успех обусловил театру только тогда, когда он был верен Вахтангову, когда он действительное пошисл, не на словах, а на деле, ответственность перед народом и революцией.

Я. ПУСАНОВ.